

ДЕТСКАЯ РЕЧЬ

Ребенок осваивает фразеологизмы

Существование в языке фразеологизмов — словесных сочетаний, обладающих целостным значением, весьма осложняет усвоение языка ребенком. Во-первых, фразеологизм по форме напоминает свободное сочетание обыкновенных слов и поэтому существует опасность его буквального понимания. Примеров такого рода много в книге К. И. Чуковского «От двух до пяти». Приведем один из них. Мальчик удивленно спрашивает после ухода гостей: «Вот ты говорил, что дядя Вася сидит у тети Алены на шее, а я проверял — он все время на стуле сидел» («сидеть на шее» — по свидетельству словаря — «быть на иждивении, на содержании или на попечении у кого-л., отягощая, обременяя кого-л.»).

Другой мальчик очень разволновался, услышав, что его кот «спит без задних ног». Сбежал, разбудил кота, сосчитал лапы и, успокоенный, вернулся. Многие наши выражения вызывают у ребенка смех, поскольку, поняты буквально, поражают его своей нелогичностью. Дети слышат, например, что кто-то «под землю провалился» и заливаются смехом: «Как же его оттуда выкапывать будут?» Очень смешит их просьба «не валять дурака»: «Где дурак? Давай мне его, я его валять буду!» Замечание отца «У тебя ветер в голове!» вызывает язвительный вопрос шестилетней дочери: «И как это ты увидел?»

Мать, заявившая, что у нее «забот полон рот», получила совет выплюнуть их поскорее. Фраза «Ты растешь на глазах» вызывает бурный протест: «Я на голове расту, а не ногах».

Буквальное понимание фразеологизма приводит иногда к забавным казусам. Пятилетний Лёня вызвался быть дежурным в отсутствие воспитателя. Воспитатель попросил его «посмотреть за детьми одним глазком». При появлении воспитателя спустя полчаса Лёня с облегчением открыл замуренный левый глаз и спрашивает: «Теперь уже можно двумя глазами смотреть?»

Мальчик разглядывает картинку и удивленно замечает: «Вот идут солдаты, и все с пустыми руками. А где же служба? Папа говорил, что они несут службу».

Число подобных примеров необычайно велико.

Шестилетняя девочка смотрит по телевизору трансляцию заседания: «Мама, почему так — ему сказали: даем вам слово, а он все говорит и говорит?» Трехлетняя Ирочка не хочет надевать новый костюм, плачет, потому что слышала, как кто-то из взрослых заметил: «Она в нем утонет».

Оказывается, многие дети разглядывают на картинке зайку, который «весь до ниточки промок», и ищут эту самую ниточку, полагая, что она где-то внутри этого зайки.

Если в составе фразеологизма есть устаревшие и непонятные слова, это вызывает недоуменные вопросы. Так, четырехлетний Андрюша понял выражение «упал в обморок» как известие о том, что кто-то куда-то свалился, и просил ему разъяснить, что у этого «обморока» на дне и можно ли будет оттуда выбраться без посторонней помощи.

При буквальном понимании фразеологизма он как бы прекращает свое существование в качестве самостоятельной лексической единицы и начинает функционировать как свободное сочетание слов, каждое из которых имеет свое собственное значение.

Иногда, даже при верном понимании общего смысла фразеологизма, ребенок как бы продолжает равняться на тот образ, который создается в результате его «пословного» прочтения. Четырехлетняя Лена нарисовала человека, у которого глаза оказались на лбу, и объясняет удивленной матери: «Все правильно, мама. Это глаза от удивления на лоб залезли» (тут к тому же случай деформации фразеологизма «глаза на лоб лезут», см. о деформации ниже). Дети, склонные к словесным шуткам, иногда не прочь покаламбурить, контаминируя общий смысл фразеологизма и семантику составляющих его компонентов. Вот эпизод, зафиксированный в книге известного специалиста по детской психологии В. С. Мухиной «Близнецы». Отец мажет краской кафель и приклеивает его к стенке в ванной комнате. Дело продвигается медленно, и отец замечает: «Работа не клеится». Четырехлетний Андрей смеется: «Ха! Очень даже клеится!»

Примеры контаминации «буквального» и настоящего значения фразеологизма могут приводить к его своеобразным развертываниям: «Если нет никакой работы, то прямо ужас. Я не покладаю рук. У меня руки прямо тянутся к метле или к кастрюле» (так пишет десятилетняя девочка в своем письме в газету). Первоклассница замечает, что, когда она получает двойку, ей становится так стыдно, что «кажется, провалилась бы под землю и никогда оттуда не вылезала».

В других случаях дети могут ощущать, что то или иное сочетание имеет единый смысл, но не совсем точно его интерпретируют. Значение фразеологизма может оказаться расширенным, суженным или вовсе не соответствующим тому значению, которое он имеет в нашем языке.

Смутно ощущая, что все сочетание имеет некое цельное значение, ребенок может ошибаться в определении этого значения: «Нужен он мне, как банный лист!»

Изменение семантики может быть спровоцировано значением составляющих фразео-

логизм элементов. Так, выражение «дать маху», означающее «ошибиться», использовано шестилетним ребенком в совсем другом смысле: «Если Люба будет приставать, я ей дам маху!» — «Как это?» — «Размахнусь и дам!»

Встречается явление, весьма близкое к смешению паронимов, когда ребенок смешивает два фразеологизма, чем-то похожие друг на друга (имеющие сходное звучание или похожий компонентный состав). Так, например, маленькая девочка спутала «ни гу-гу» и «ни бум-бум»: «Я в этих ваших компьютерах ни гу-гу!» (имела в виду, что не умеет играть в компьютерные игры). Фразеологизмы, как известно, характеризуются неизблемостью состава своих компонентов. Именно эта неизблемость и может нарушаться ребенком, незнакомым с этим обстоятельством.

Некоторые фразеологизмы подвергаются грамматическому видоизменению. Так, например, многие из глагольных фразеологизмов не имеют видовых коррелятов, т.е. употребляются только в значении совершенного или несовершенного вида. Ребенок может образовать видовую пару, используя правила, которые ему известны: «Он был готов все для нее доставать с морского дна» (ср. «достать со дна морского»). Кроме преобразования вида, здесь существенно и то, что изменен порядок слов.

Чрезвычайно часто встречаются случаи лексической модификации фразеологизмов. Дети могут заменять один из компонентов фразеологизма синонимом или другим словом, не нарушающим общего смысла сочетания. Это явление приоткрывает завесу над механизмом запоминания фразеологизма. Очевидно, происходит фиксация в сознании смысла составляющих фразеологизм лексических компонентов, но не их конкретных звуковых оболочек. Отсюда такие случаи, как «пойти по следам кого-нибудь» вместо «пойти по стопам кого-нибудь» и т. п.

Вот некоторые примеры модификации фразеологизмов, вызванной этим обстоятельством.

Ребенок сказал	Взрослые говорят
«ботинки есть хотят»	«ботинки есть просят»
«пойти на исправку»	«пойти на поправку»
«куда глаза видят»	«куда глаза глядят»
«душа в подметки ушла»	«душа в пятки ушла»
«свободная птица»	«вольная птица»
«открыть Африку»	«открыть Америку»
«посчитать в голове»	«посчитать в уме»
«глаз упал на книжку»	«взгляд упал на что-нибудь»
«нервы скандалят»	«нервы шалят»
«он у нее под сапогом»	«он у нее под башмаком»
«в пятки не годится»	«в подметки не годится»

Фразеологизмы, как правило, обладают свойством непроницаемости, т. е. в их состав нельзя ввести новый компонент. Дети тем не менее зачастую деформируют их, расширяя их объем, вставляя, например, прилагательные или местоимения-прилагательные, распространяющие существительные: «Он этого до своего гроба не забудет». В других случаях дети могут опускать какой-нибудь из компонентов фразеологизма, тем самым разрушая его как языковой знак. «Ну, камень упал», — с облегчением произносит семилетняя девочка, узнав, что ее пес, о котором она беспокоилась, здоров. Компонент «с души» оказался пропущенным.

Многие фразеологизмы характеризуются ограниченной сочетаемостью, которую можно постичь лишь в результате достаточно длительного пользования языком. Основная сложность заключается в том, что отсутствует какая бы то ни было мотивированность выбора, необходимо просто запомнить, что с чем сочетается. Именно такие случаи и представляют для ребенка особую сложность. Ограниченная сочетаемость свойственна большой группе фразеологизмов, имеющих значение большой степени проявления какого-либо качества. Так, например, «из рук вон» может быть только «плохо». Однако речевой опыт ребенка еще не столько велик, чтобы это можно было усвоить. Если ребенок слышал этот фразеологизм употребленным несколько раз, то он еще не может сделать вывод обо всех особенностях его употребления. Ведь он слышит примеры правильного употребления лексической единицы, а ему нужно сделать вывод не только о том, когда ее можно употребить, но и о том, когда ее употребить нельзя, о наличии запретов на сочетаемость. В этом, заметим кстати, состоит одна из сложностей усвоения языка: ребенок должен усвоить язык вместе с определенной системой имеющихся в языке запретов, в то время как случаев неверного употребления взрослые в его распоряжение не предоставляют. В высказывании ребенка «Мы жили тогда из рук вон далеко» фактически нет смысловой ошибки, однако такое сочетание невозможно в силу сложившейся традиции. Аналогичные ошибки: «Тишина — хоть глаз выколи» (мы ведь так говорим только о темноте), «Он плачет с ног до головы», «Пить хочу как резаная» и т. п. Аналогичная ошибка в сочетаемости: «Зачем вы радио во весь опор включили?»

Для части фразеологизмов характерен устойчивый порядок элементов. Дети его могут нарушать. «Ну, богу слава, приехали» — сказала семилетняя девочка, когда поезд благополучно приехал в Крым, и мать поняла ее не сразу.

Встречаются случаи контаминации двух, в чем-то схожих между собой фразеологизмов, например: «Я выбивался из кожи, но у меня ничего не получилось» (ср. «выбиваться из сил» и «лезть из кожи»), «Они хотели расположить его в свою сторону» (ср. «расположить к себе» и «привлечь на свою сторону»), «Будете у меня ходить на струночках» (ср. «ходить по струнке»).

Одним из весьма знаменательных явлений, фиксируемых в речи детей, является модификация фразеологизма, объясняемая в большей или меньшей степени осознаваемым стремлением ребенка вернуть фразеологизму мотивированность, так называемую внутреннюю форму, т. е. восстановить связь между общим значением фразеологизма и значениями составляющих его компонентов. При этом непонятные ребенку, устаревшие слова заменяются более понятными. Фразеологизм «хоть кол на голове тещи» никак не устраивает детей и подвергается серьезной перестройке, призванной обеспечить его мотивированность. Одна девочка переделала его так: «хоть колом в голове чещи» («чесать» понятнее, чем «тесать», к тому же весь образ делается зримее и понятнее, соответствующим образом преобразуется форма слова «кол», превращающегося в орудие действия). Другой ребенок тот же фразеологизм переделал так: «хоть кол на голове пиши». Тут «кол» уже совсем другой, и действие с ним иное, однако перестройка отнюдь не бессмысленная. Потускневший образ, легший в основу образования фразеологизма, заменяется другим, более живым и ярким.

Сестра-отличница характеризуется так: «Она такая умная, у нее семь прядей на лбу!» Возможно, ребенку не очень понятно, почему пряди на лбу должны свидетельствовать о способностях человека, но «пряди» и вовсе непонятны и нет никакой возможности увидеть за этим словосочетанием какую-нибудь живую, осязаемую картину, а именно к этому стремится ребенок. Самое главное в любой структурной перестройке — появление

некоей картины, первоначального образа, может быть, не до конца ассоциируемого со значением всего целого (и смысл целого не всегда ясен ребенку до конца), однако все же какая-то мотивированность или намек на нее появляются.

Уже поколения детей переделывают выражение «вверх тормашками» в «вверх кармашками». Довелось нам слышать и «вверх ромашками». В самом деле, что такое эти загадочные «тормашки»? Колени? Пятки? Какой-нибудь вид одежды? Или еще что-нибудь иное? Взрослых, однако, такая неопределенность не смущает. Смысл целого ясен, и этого достаточно. Ребенку нужна еще и какая-то мотивировка, иначе ему трудно запомнить этот образ. Не упорядочивая факты, ребенок не в состоянии овладеть языком. Лучший способ запомнить — это хоть в какой-нибудь степени осмыслить и связать со своим предшествующим речевым опытом.

В ходе подобной перестройки устраняются устаревшие слова, которые могут входить в состав фразеологических сращений. Так, например, не совсем понятен глагол «витать», входящий во фразеологизм «витать в облаках». Многие дети приспособились переделывать его, заменяя «витать» на «летать», «летать в облаках» — проще и понятнее.

Еще забавный пример «модернизации фразеологизма»: вместо «Молодец был такой красивый — ни в сказке сказать, ни пером описать» — «... такой красивый, что ни в газете прочитать, ни в книге написать». Образ получился гораздо более современным, а общее значение высшей степени качества сохранилось. Одна девочка в течение ряда лет говорила вместо «заморить червячка» «заманить червячка» и рассказывала, уже будучи взрослой, что ей всегда казалось, что есть какой-то специальный червячок, который нужен для развития аппетита, и его приходится специально приманивать каким-нибудь небольшим угощением.

Известно, что подобного рода модификации возможны и в речи взрослых. Если внимательно прислушаться, то можно услышать в речи некоторых взрослых «суть да дело» вместо «суд да дело» или «скрипя сердцем» вместо требуемого нормой «скрепя сердце». В состав некоторых фразеологизмов входят и устаревшие грамматические формы слов, например, краткие прилагательные, стоящие в форме косвенных падежей, формы деепричастий совершенного вида на *а/я* и т. п. Дети их модернизируют, порой сами не отдавая себе в этом отчета. Ср. «детские» и «взрослые» варианты фразеологизмов:

Дети	Взрослые
«среди белого дня»	«среди бела дня»
«на босую ногу»	«на босу ногу»
«сложив руки»	«сложя руки»
«сломив голову»	«сломя голову»

Устраняются не вполне понятные предложно-падежные формы. Не совсем понятно, например, с точки зрения современного языка выражение «отложить про запас». Детское «отложить на запас» больше отвечает современным синтаксическим правилам, хотя и представляет собой нарушение формы фразеологизма.

Иногда дети создают свои собственные фразеологизмы, отталкиваясь от имеющихся во взрослом языке. При этом они проявляют логику и изобретательность. Если, например, «потерять дар речи» означает «оказаться не в состоянии говорить», то смысл «оказаться не в состоянии слышать» может быть, казалось бы, выражен аналогичным образом: «Я совсем потеряла дар слуха, не слышу ничего!» — заявляет семилетняя девочка. Если небольшое расстояние до чего-либо можно выразить с помощью сочетания

ОБРАЗОВАНИЕ И РУССКИЙ ЯЗЫК

«рукой подать»), то как выразить значение «совсем-совсем маленькое расстояние»? Ну конечно, — «пальчиком подать». Если человек кинулся бежать «со всех ног», то щенок, разумеется, — «со всех лап».

Ребенок чутко реагирует на разного рода несообразности в речи взрослых. «Птицы еле унесли от него ноги», — рассказывает мать. «Унесли от него крылья», — поправляет Алеша. Интересен случай интерпретации выражения «прийти в себя», имеющий следствием рождение нового образного выражения. Четырехлетняя Ирочка заявляет: «Я волк. Я не могла прийти в себя и пришла в волка!»

Забавны случаи контаминации двух фразеологизмов: «во весь дух» и «со всех ног» объединились в обороте «во все ноги» («Поросенок кинулся бежать во все ноги»), «лезть в голову» и «идти на ум» объединились в сочетании «лезть в ум» («Мне ничего не лезет в ум»). Фразеологизм «купить шило в мешке» обязан своим происхождением сразу двум фразеологизмам: «шила в мешке не утаишь» и «купить кота в мешке».

Анализ подобных случаев позволяет нам узнать много нового не только о самом процессе освоения ребенком языка, но и об особенностях самого языка.